

он дал характеристику каждого нового вулкана. Доклад иллюстрировался образцами лав, ключевых натёков, редких папоротников и высших цветковых растений, а также фотографическими снимками. В апреле был поставлен доклад статистика Шаврова „Хозяйство и быт северной Камчатки“. Докладчик всю зиму работал по переписи туземцев в районе от Тигиля до Седанки, до Рекинники по западному побережью, затем по хребтам и далее по восточному побережью вниз до Уки. Весьма полно, с рядом интересных цифровых данных, он охарактеризовал все 23 населенных пункта северной Камчатки с хозяйственной стороны и со стороны племенного состава. На территории северной Камчатки Шавров различает несколько этнических групп, более или менее резко отличающихся по языку и физическим особенностям друг от друга, а именно: в Тигиле сохранились потомки завоевателей Камчатки – казаки; на север от Воямпольки обитают Н'мелл'у, причем от селений Лесновского далее к северу Н'мелл'у делятся на оседлых (ным-Н'мелл'у и кочевников (Н'мелл'ремку). По физическому типу эта народность отличается от коряк, но говорит на языке, близком к коряцкому. Коряки (чауту) занимают область хребтов, среди которых бродят их стада оленей. В Паланском районе живут ламуты, причем они быстро ассимилируются коряками. Ительмены, с их своеобразным языком, сохранились в чистом виде в Седанке. Дранка, Ивашка, Ука заселены метисами, камчадалами, т. е. обрусевшими Н'мелл'у, уже забывшими свой язык.

В летнее время были совершены две массовые экскурсии: одна для изучения вулканической деятельности Авачинской сопки, вторая в Тарью для исследования древних юртовичей ительменов. В экскурсии на Авачинский вулкан приняли участие 18 членов, и половина из них совершила восхождение на вершину. Восхождение продолжалось 12 часов; на вершине (высота вулкана 9 200 ф.) экскурсанты пробыли более часу, рассматривая кратер. Кратер Авачинской сопки имеет до 500 м в диаметре, будучи несколько вытянут с востока на запад; глубина воронки кратера огромна. Бездна не могла быть измерена даже приблизительно: мешали газы и пары. Два раза в глубине кратера был слышен глухой шум: выделявшаяся сера сразу же сгорала на воздухе. Руководителем этой экскурсии был В. Ф. Комаров. Весьма значительным достижением общества явилось восхождение его членов на неприступную до сих пор вершину Коряцкого вулкана, которое было совершено 16 августа. Партия из 5 человек, во главе с Ф. М. Физиком, пошла по Ю. В. склону, следуя верх по гребню между первым и вторым барранкосами, и через 9 часов вступила на высшую точку (11 802 фут.) вулкана. Путь на самой вершине оказался очень трудным: скалы, фирны и ледник оказались трудно проходимыми. Первая попытка подняться на Коряцкий вулкан была сделана энтомологом Герцем в 1886 г., затем в 1925 г. и в 1926 г., в течение 2 лет Камчатское Краеведное Общество пыталось достичь вершины этого вулкана. Партия 1926 г. поднялась на 3 000 м, но из-за мороза принуждена была вернуться вниз. Хорошая погода и прекрасный проводник позволили Ф. М. Физик и его товарищам победить духа вулкана и встать на девственную вершину вулкана-гиганта. В течение 2 летних месяцев в долине р. Камчатки работал натуралист Новограбленов, командированный туда Краевым Обществом. Новограбленов совершил путешествие вокруг Ключевской сопки, величайшего в мире вулканического конуса, гербаризируя в альпийской области. В результате этого путешествия в Петропавловске были доставлены гербарий Ключевской группы, также предметы быта и орудия каменного века ительменов. Предварительный отчет уже составлен, обработка гербария и других сборов идет в Камчатском музее успешно. В 60 км от деревни Машура по р. Кимитиной Обществом летом 1927 г. были открыты новые горячие ключи Кимитинские, также в хребте Валагинском найдены окаменелые раковины (в восточной части Камчатки, залитой лавами позднейших излияний, палеонтологические находки чрезвычайно редки).

Председатель Общества А. Т. Якимов, так много сделавший для организации краеведной работы на Камчатке, выехал на материк, и Общество лишилось в его лице одного из активнейших своих членов, о чем нельзя не пожалеть.

Новограбленов» (5).

В данном тексте сохранены стилистика и орфография автора.

1. Бергман С. По дикой Камчатке. Петропавловск-Камчатский, 2000. С. 13.
2. АРАН. Ф. 277. Оп. 4. Д. 1082. Л. 20. Письмо П. Т. Новограбленова В. Л. Комарову от 16 сент. 1927 г.
3. Новограбленов П. Т. Среди гигантов // Камчатский летописец. Вып. 2. С. 479.
4. АРАН. Ф. 277. Оп. 4. Д. 1082. Л. 21. Письмо П. Т. Новограбленова В. Л. Комарову от 16 сент. 1927 г.
5. П. Т. Новограбленов // Известия Центрального бюро краеведения. 1927. № 9. С. 327, 328.

Быкасов В. Е., Быкасов С. В. ТОПОНИМИКА БЕРИНГОВОМОРСКОГО ПОБЕРЕЖЬЯ ОТ р. КАРАГИ И ДО м. ФАДДЕЯ

История открытия Северо-Востока Азии и прилегающих к нему морских и океанских акваторий свидетельствует, что топографическая номенклатура вновь осваиваемых территорий, базирующаяся на языках коренного населения, изменялась самым кардинальным образом. Что, впрочем, и понятно, т. к. русским землепроходцам было проще и удобнее давать новые имена географическим объектам, нежели пользоваться трудно воспринимаемыми на слух местными топонимами. Тем не менее, довольно многие аборигенные названия, в том числе в русифицированной или искажённой форме, вошли в словарный запас пришельцев и со временем, став привычными, закрепились в различных атласах, справочниках и словарях. Вместе с тем, в процессе формирования топонимики региона отмечается немало случаев, когда одни и те же географические названия перемещались, вслед за первопроходцами, на сотни и тысячи километров. Как, например, это случилось с гидронимом Чондон (Чендон, Чюндон), который от реки, впадающей в Северный Ледовитый океан рядом с устьем р. Яны, на короткое время переместился на место нынешней р. Малый Анюй, а затем, и довольно долго, стал ассоциироваться с современной р. Гижигой, впадающей в северную часть Охотского моря. Где, кстати, появилась ещё одна р. Яна (3).

Вот и в нашем случае анализ топонимической ситуации северо-западной части побережья Берингова моря в её сравнении с современной картографической номенклатурой вскрывает смещение основных топонимов к северу и к востоку по сравнению с их расположением, указанным в знаменитом «Описании земли Камчатки» С. П. Крашенинникова. В намерении разобраться, как и почему это произошло, и предпринимается данное исследование.

Однако прежде чем приступить к заявленному анализу, позволим себе заметить, что сам С. П. Крашенинников севернее р. Караги не был, т. к. от её устья он сразу же проследовал к р. Лесной, расположенной на западном побережье полуострова, и оттуда на юг – к Тигилю и Нижнекамчатску. Так что северную часть берингоморского побережья он описывал по рассказам местных жителей и бывалых людей. Тем не менее, в своём представлении о ландшафтной и топонимической обстановках северо-западного побережья Берингова моря он, как будет показано далее, оказался очень точен.

И в самом деле, вот что пишет великий русский натуралист о побережье северной половины Карагинского залива: «Против устья Караги реки верстах в 40 от берегу находится Карагинский остров, которого нижняя изголовь против Нынгына, а верхняя против нижеописанного Коуту носа» (10, с. 59). Задав, тем самым, предельно чёткий ориентир для привязки ландшафтных объектов и связанных с ними топонимов характеризуемого побережья к современным картам, в согласии с которыми под Коуту Носом следует понимать современную Оссорскую косу, поскольку её основание располагается примерно в 25 км по прямой к северу от устья р. Караги и строго напротив (по широте) северной оконечности Карагинского острова.

«От реки Караги верстах в 80 течёт река Тумлатты, которой вершины прилегли к росошинам Лесной реки; от Тумлатты верстах в 20 Гагенгу-ваем, а оттуда верстах в 8 Кычигин, которая от казаков Воровскою называется», – продолжает своё повествование учёный далее (там же, с. 59–60).

Сразу же отметим, что в данном описании порядок перечисления рек соответствует реальности. Верно и то, что вершина р. Тымлат близко сходится с истоками р. Правая Лесная, хотя и отделяется от последней долиной р. Шаманки. И лишь расстояние в 80 вёрст между рр. Карага и Тымлат вдвое превышает реальное расстояние между устьями этих рек.

Впрочем, как представляется, это превышение появилось в тексте «Описания земли Камчатки» по вине редактора этой книги – академика Г. Миллера, судить о чём позволяет тот факт, что на «Карте земли Камчатки с около лежащими местами», созданной геодезистами Академического отряда Второй Камчатской экспедиции под общим руководством Г. Миллера (7, с. 246–247), р. Тымлат оказалась размещённой на месте современной р. Валовая, которая своими вершинами сходится с истоками правых притоков р. Пустой, а устьем впадает в лагуну Аннуангвын, расположенную в култуке зал. Уала.

В пользу предположения о «смещении» р. Тымлат к северу именно Г. Миллером свидетельствует и другая выдержка из «Описания земли Камчатки»: «Верстах в 10 от Кычигина вытянулся в море вёрст на 15 нос Коуту называемой, которого самая большая ширина на полтора сажен. Против сего носу лежит верхняя изголовь Карагинского острова» (10, с. 60). Поскольку, во-первых,

р. Кычигин располагается севернее, а не южнее р. Тымлат. Поскольку, во-вторых, устье р. Кычигин (нынешней р. Кичигиной) находится напротив м. Ильпинского (оконечность Ильпинского п-ова), лежащего в 62 км севернее о. Карагинского. И поскольку, в-третьих, С. П. Крашенинников размещает Коуту Нос напротив северной оконечности о. Карагинского (см. выше), а не в 10 верстах от устья р. Кычигин.

Нечто подобное произошло и при интерпретации данных следующего по порядку абзаца: «Верстах в 85 от Коуту следует Анапкой река, которая вершинами сошлась с впадающей в Пенжинское море Икыннаком (пустою) рекою, а устьем течёт в внутреннюю губу, называемую Ильпинскою, которая в длину вёрст на 5, а в ширину версты на 3 простирается. Хребет, из которого текут помянутые реки, в разсуждении других мест весьма низок и ровен, и от обоих морей не более 50 вёрст расстоянием. Коряки почитают сие место за самое узкое из всего перешейка соединяющего Камчатку с матерюю землёю, которой перешеек до Тумлатты и далее простирается» (10, с. 60).

Дело тут заключается в том, что в 85 км от подлинного Коуту Носу (Оссорской косы) располагается устье р. Валовая, которая чуть южнее перешейка, соединяющего полуостров с материком, впадает в лагуну Аннуянгвын. И это говорит о том, что С. П. Крашенинников под р. Анапкой понимал современную р. Валовая, т. к. её верховья действительно сходятся с вершинами правых притоков нынешней р. Пустой. Да и расстояния между объектами, приводимые в данном абзаце, практически полностью совпадают с расстояниями между ними, определёнными по современным картам. В частности, северная оконечность Срединного хребта, выходящая к перешейку, располагается, примерно в 40–45 км как от Пенжинской губы Охотского моря, так и от Карагинского залива Берингова моря. Так что искажений реальной ландшафтной ситуации в приведённом абзаце нет.

Однако на «Карте земли Камчатки с около лежащими местами» р. Анапка нарисована на материке, то есть севернее перешейка. При этом она своими истоками сходится с истоками р. Пустой, которая, также располагаясь на материке севернее перешейка, течёт с севера на юг, а не с юга на север, как подлинная р. Пустая. Ну а если вспомнить (см. выше), что р. Тымлат на этой же карте подменяет собой нынешнюю р. Валовая, то остаётся признать, что смещение названных гидронимов к северу было обусловлено неверной интерпретацией геодезистами Академического отряда данных С. П. Крашенинникова, а не исключено, что и сознательным замещением одних топонимов на другие академиком Г. Миллером, который опирался на собственные представления о географии данного района.

О том же, что у Г. Миллера было собственное представление о географии региона, свидетельствует отсутствие на «Карте Земли Камчатки с около лежащими местами» Гижигинской губы как таковой и прорисовка Пенжинской губы таким образом, что она начинается от устья р. Яма. Причём очень большой п-ов Тайгонос начерчен на этой карте таким невзрачным по величине и неточным по расположению, что ему более соответствует отходящий от Тайгоноса небольшой п-ов Елистратова (ранее – Итканский п-ов), нежели сам п-ов Тайгонос. И это при том, что Пенжинская губа и п-ов Тайгонос отчётливо и достаточно верно были отображены ещё на «Карте Евреинова», созданной не позднее 1722 г. Другое дело, что эта карта, будучи засекреченной, не была известна ни Г. Миллеру, ни С. П. Крашенинникову.

Впрочем, понять Г. Миллера и его геодезистов можно, т. к. бывшие в их распоряжении данные о северной части Камчатки и прилегающей к ней материковой территории были очень противоречивы. настолько противоречивы, что даже С. П. Крашенинников, говоря о пространственном расположении и размерах п-ова Камчатка, вынужден был написать: «Камчатскою землицею и Камчаткою просто называется ныне оной великой мыс, которой составляет последней предел Азии с восточную сторону, и от матёрой земли в море около семи градусов с половиною с севера на юг простирается».

Начало сего мыса полагаю я у Пустой реки и Анапкой, текущих в ширине 59°05', из которых первая в Пенжинское, а другая в Восточное море устьем впадает. 1. Для того, что в тех местах земля так узка, что по достоверным известиям, с высоких гор в ясную погоду на обе стороны море видно, а далее к северу земля становится шире: чего ради узкое сие место, по моему мнению, можно почтеть за начало перешейка, соединяющего Камчатку с матёрою землёй. 2, что присуд камчатских острогов токмо до объявленных мест простирается. 3, что северные места за тем пределом Камчаткой не называются, но больше принадлежат заносью* под которым именем Анадырской присуд заключается. Впрочем не совсем опровергаю и то, что подлинное начало сего великого мыса между Пенжиною рекою и Анадыром почитать должно» (там же, с. 3). А в сноске дополняет: «*Заносьем называются места от Анадырска к Камчатке лежащие, в том числе и сам Анадырск; для того, что оные, следуя из Якуцка, по ту сторону Чукцкого носа находятся» (там же).

То есть, говоря иначе, хотя С. П. Крашенинников и утверждал, что п-ов Камчатка отделяется от материка узким перешейком, расположенным между устьями рр. Пустой и Анапки, однако он не отвергал при этом и представление о том, что начало этого полуострова может располагаться между устьями рр. Пенжина и Анадырь. И таковое двойственное суждение вполне понятно, ибо, например, на «Итоговой карте походов морских партий Беринга и Чирикова в 1741 г.» это самое «Заносье» изображено настолько зауженным по долготе, что его вполне можно воспринимать за продолжение (за начало – точнее) п-ова Камчатка. Хотя на «Итоговой карте 1-й экспедиции Беринга, составленной Берингом – Чаплиным. Копия Чаплина, им подписанная в 1729 г.» очертания «Заносья», Пенжинской губы, п-ова Тайгонос и побережья Берингова моря от перешейка до м. Св. Фаддея (Наварин) более соответствуют реальности. И разве что только р. Анадырь, впадающая в Берингово море западнее мыса, отделяющего акваторию собственно Берингова моря от Анадырского залива, выпадает из этого ряда более или менее точных прорисовок береговой линии южной части Северо-Востока Азиатского материка.

Но всё же самое важное для нас во всём этом заключается в том, что С. П. Крашенинников размещает р. Анапку южнее 60° с. ш., т. е. южнее перешейка, соединяющего полуостров с материком. Вследствие чего р. Анапкой в понимании С. П. Крашенинникова действительно соответствует р. Валовая. Другое дело, что великий натуралист о р. Валовая ничего не говорил, а под нынешней р. Анапкой понимал р. Ильпинскую, имя которой на современных картах отсутствует.

Впрочем, вот что пишет об этом сам С. П. Крашенинников: «От Анапкой верстах в 15 течёт Ильпинская речка, а верстах в 4 далее ея устья находится Ильпинской нос, который версты на 10 вытянулся в море. Сей нос у матёрой земли весьма узок, песчан и так низок, что вода чрез него переливается, а на изголови широк, каменист и высок посредственно. Против его есть на море небольшой островок, Верхотуровым называемой» (10, с. 60). То есть, как можно видеть, по его представлениям Ильпинский Нос ограничивал с востока Ильпинскую губу. При этом в 4 км к западу от Ильпинского Носа располагалось устье р. Ильпинской, а в 15 км к юго-западу от устья этой р. в Ильпинскую губу впадала р. Анапка.

Однако на современных картах на месте п-ова Ильпинского располагается п-ов Ильпырский, вместо р. Ильпинской – р. Анапка, а вместо Ильпинской губы фигурирует зал. Уала, тогда как расположенный восточнее (за п-овом Ильпырским) залив именуется Анапкинским. Из чего следует, что все эти топонимы появились на картах многим позже пребывания С. П. Крашенинникова на Камчатке.

И в самом деле, названия «Уала», «Ильпырский Нос» и «Анапкинский залив» в лексиконе С. П. Крашенинникова отсутствуют. Нет таковых топонимов и на «Итоговой карте 1-й экспедиции, Беринга, составленной Берингом – Чаплиным. Копия Чаплина, им подписанная. 1729», и на «Итоговой карте походов морских партий Беринга и Чирикова в 1741 г.». Да и на академической «Карте земли Камчатки с около лежащими местами» этих названий также нет. И, следовательно, возникает необходимость разобраться с тем, как и когда появились все эти названия.

С этой целью обратимся к современным картам, на которых можно обнаружить, что выше приведённому описанию С. П. Крашенинникова соответствует нынешний п-ов Ильпырский, представляющий собой небольшой скалистый островок, соединённый с материком узкой косой (томболо), который замыкает с востока губу, ныне именуемую зал. Уала. Но тогда возникает вопрос – а каким образом могла произойти трансформация этого первоначального названия?

Вот что, например, пишет по этому поводу известный камчатский историк и краевед В. П. Кусков: «Полуостров Ильпыр появился на картах намного позже, что-то около 1900 г. Это другой вариант древнего названия. Крашенинников называл его Ильпинским, но другие писали то же самое название по-другому, например, Илпейской, Илперский. Отсюда и пошло название Ильпыр» (11, с. 46).

В принципе, предложенная В. П. Кусковым версия преобразования названия «Илпинский» в «Ильпырский» верна. Ну хотя бы потому, что в самом «Описании земли Камчатки» имя «Ильпырский» не встречается. Однако трансформация топонима началась значительно ранее, чем считает краевед, т. к. ещё в прилагаемом к «Описанию земли Камчатки» «Кратком изъяснении вещей» фигурируют имена «Ильинской нос», «Ильинская речка» и «Ильинская губа» (10, с. 410), которые, надо полагать, в этом своём виде появились в результате редакционной подготовки книги к печати. А в 1776 г. лейтенант Синд (Синдт), проплывав вдоль берегов Берингова моря, назвал нынешний п-ов Ильпырский Ильперским Носом. И позднее именно это название превратилось в топоним «Ильпырский полуостров».

Иначе обстоят дела с названиями зал. Анапка (от корякского слова Г'эныпыкын – место причаливания: от г'эныпык – приставать к берегу, уткнуться носом – (13, с. 67)) и зал. Уала (низменные, болотистые берега – от корякского слова Увалал – чёрная, болотистая земля, где ув – чёрный + ала – земля, болото, грязь (там же, с. 376)), появление которых, скорее всего, связано с плаванием шкипера Фридольфа-Фабиана Кирилловича Гека на шхуне «Сибирь» в 1885 г.

Дело тут заключается в том, что Ф. Гек на своём пути от бух. Караги и до Чукотского полуострова около 150 раз становился на якорь, присваивая при этом различным природным объектам собственные названия. Вот и в данном случае он, как представляется, после общения с местными жителями один залив из-за его болотистых берегов назвал зал. Уала, а другой (и по той же причине) – Анапкинским. Причём из-за невнимательности он ещё и поменял их местами на своей карте. Отчего р. Анапка оказалась впадающей не в Анапкинский залив, как следовало бы по логике, а в зал. Уала.

Так на картах данной части берингоморского побережья появились первые разногласия с реальностью. Но далеко не последние. Как пишет далее С. П. Крашенинников: «Верстах в 30 от Ильпинской речки течёт к северу Алкаингынь речка, которая впадала в губу, простирающуюся вдоль по берегу вёрст на 20 а внутрь земли вёрст на 10. Отсюда начинается Говенской мыс, которой шириною вёрст на 30, а в море вытянулся на 60 вёрст. На самой изголовии есть Олюторский острожек Говынк называемой» (10, с. 61). Из этого описания следует, что р. Алкаингынь впадает в море восточнее Ильпинского носа в понимании С. П. Крашенинникова, и, причём, сразу же западнее Говенского Носа в его же трактовке. Так что под ней нужно понимать современную р. Альховая, которая примерно в 30 км (верстах) от устья р. Анапки (Ильпинской – по Крашенинникову) впадает в зал. Анапка возле западного основания современного Ильпинского (а на самом деле – Говенского) полуострова.

Правда, на «Карте земли Камчатки с около лежащими местами» восточнее р. Говенки прорисован, пусть бы и нечётко, некий безымянный гористый полуостров, который вполне может претендовать на статус п-ова Говена. Однако при этом к западу от него нарисована р. Говенка, что не соответствует реальности, т. к. на самом деле эта река впадала в губу, расположенную к востоку от подлинного п-ова Говена: «От Алкаингына реки верстах в 40 следует речка Калалгу-ваем (Говенка). Которая впадала в внутреннюю губу длиной и шириною вёрст на 6» (там же). А единственной «внутренней губой» указанных размеров, расположенной в 40 км от р. Алкаингынь (Альховая), является лагуна бух. Гека, которая приурочена к западному основанию современного п-ова Ильпинского (Говена, в трактовке С. П. Крашенинникова). Так что прорисовка р. Говенки к западу безымянного полуострова также является ошибкой геодезистов команды Г. Миллера.

То есть, как можно видеть, геодезисты Академического отряда, не разобравшись в ситуации с Ильпинским (в понимании С. П. Крашенинникова) п-овом, присвоили имя «Ильпинской Нос» полуострову Говена, расположенному восточнее. В результате чего название «Говенский Нос» не нашло своего места не только на «Карте земли Камчатки с около лежащими местами», но и на более поздних картах Северо-Востока Азии.

Что же касается современной реки, которая соответствует р. Говенке в понимании С. П. Крашенинникова, то таковой, на наш взгляд, является р. Гатымынваям, которая впадает в лагуну бух. Гека. Правда В. П. Кусков считал, что этой рекой является р. Лигинмываям (11, с. 43), также впадающая в эту лагуну. Однако и сама Лигинмываям, и её устье располагаются за пределами основания Ильпинского (Говенского) полуострова. Тогда как устье р. Гатымынваям, да и сама эта река, расположены на перешейке, соединяющем п-ов Ильпинский с материком, и, следовательно, непосредственно увязываются с Говенским Носом в понимании С. П. Крашенинникова. Об этом можно судить ещё и потому, что в следующем абзаце «Описания земли Камчатки» сказано: «Верстах в 30 от Калалгу-ваем течёт значная река Уйулен (Олютора) которой вершины подошли к Покачинским вершинам» (10, с. 61). Устье р. Гатымынваям и в самом деле располагается в 30 км западнее устья р. Олюторы, тогда как устье р. Лигинмываям удалено от него на 20 км.

Ещё одно искажение ландшафтной ситуации связано с определением места расположения острожка Теличак. Дело в том, что в «Описании земли Камчатки» по этому поводу сказано: «За Калалгуваем следует Теличенская речка, а потом Илир, которая от казаков называется Култушною, для того что она впадала в култук Олюторского моря. От Калалгу-ваем до Теличенской считается 20 вёрст, а от Теличенской до Илира столько же расстояния. Между Калалгу-ваем и Теличинскою на половине дороги есть Олюторский острожек Теличак именуемой» (там же, с. 61–62).

Однако в 30 км к востоку от р. Калалгуваем (Говенка) находится, как уже говорилось, р. Олютора (ныне – Вывенка), от которой в 30 км располагается устье Теличенской речки (современной р. Авьяваям), и в тех же примерно 30 км от устья р. Авьяваям располагается устье р. Илир (Култушная), от которой, собственно, и начинается Олюторский п-ов. Так что острожек Теличак, стоявший в устье р. Авьяваям, располагаться посередине между рр. Калалгуваем (Говенка) и Илир (Култушная) никак не мог.

Что же касается Олюторского п-ова, то о нём С. П. Крашенинников пишет так: «От реки Илир начинается Аталык нос (Олюторской), которой вытянулся в море вёрст на 80, а изголовью лежит оной к Говенскому носу. Море между оными носами называется Олюторским» (10, с. 62). Да и на «Карте земли Камчатки с около лежащими местами», созданной, как уже говорилось, под руководством Г. Миллера, Олюторский Нос также начинается от р. Илир. Так что появление у Олюторского носа названия Говенский п-ов с Г. Миллером никак не связано.

Итак, проведённый анализ однозначно свидетельствует о том, что С. П. Крашенинников при отображении топонимической ситуации морского побережья от устья р. Караги до п-ова Ильпинского включительно оказался настолько точным, насколько это было возможно в тех условиях. Этого, к сожалению, нельзя сказать о Г. Миллере и геодезистах Академического отряда, которые на «Карте земли Камчатки с около лежащими местами» произвели смещение топонимов северной части Карагинского залива к северу и востоку от их истинного расположения (5). И, как представляется, именно отталкиваясь от этих изменённых данных, Ф. П. Литке изменил топонимику берингоморского побережья, расположенного к востоку от нынешнего Ильпырского п-ова. Отчего и возникает необходимость разобраться в этой ситуации более тщательно.

Дело в том, что впервые, пожалуй, к этой проблеме обратился известный камчатский историк и краевед В. П. Кусков, который свою статью «Ошибка Литке» предварил следующим вступлением: «В своё время С. П. Крашенинников довольно подробно описал наравне с внутренними районами полуострова и его берега. Он сделал это настолько подробно, что его книгой можно было пользоваться вместо лоции, как и поступил известный русский мореплаватель капитан-лейтенант Фёдор Петрович Литке. Конечно, важной причиной использования описания Крашенинникова вместо лоции послужило и то, что лоции берегов Камчатки тогда не существовало. Книга Крашенинникова много раз помогала мореплавателям. А вот описанием района от полуострова Ильпыр до Олюторского полуострова Крашенинников „подвёл“ Литке. Используя „Описание земли Камчатки“ и полностью доверяя ему, Литке допустил ошибку, которая и поныне сохранилась на карте» (11, с. 40).

То есть В. П. Кусков считал, что С. П. Крашенинников в чём-то «подвёл» Ф. П. Литке. Однако при прочтении его статьи остаётся непонятным, в чём же конкретно заключался этот «подвох». И для того, чтобы понять, в чём тут дело, нам пришлось обратиться к описанию побережья Берингова моря, произведённого С. П. Крашенинниковым (см. выше). В результате выяснилось, что его сведения были заметно искажены Г. Ф. Миллером, редактором рукописи «Описания земли Камчатки», который, вкуче с геодезистами Академического отряда, разместил на «Карте земли Камчатки с около лежащими местами» рр. Анапка и Ильпинская, а также Ильпинский Нос многим восточнее долготы о. Карагинского, никак не обозначив при этом п-ов Говена. Так что на самом деле Ф. П. Литке подвёл не С. П. Крашенинников, а Г. Миллер.

Однако есть и другая точка зрения. Например, А. А. Сопозко, под руководством которого было произведено моделирование плавания бота «Св. Гавриил», посчитал, что Ф. П. Литке, имея на руках копии вахтенного журнала бота, итоговые карты Первой и Второй Камчатских экспедиций, а также «Описание земли Камчатки» с «Картой земли Камчатки с около лежащими местами», исправил «ошибочные» представления о географии этого региона, якобы допущенные В. Берингом при описании берингоморского побережья (18, с. 87). И хотя историк при этом имел в виду, прежде всего, ситуацию с м. Св. Фаддея, тем не менее, он невольно сместил акценты.

Чтобы разобраться, обратимся к анализу плавания шлюпа «Сенявин», который 15 июня 1828 г., отправившись из Петропавловска для проведения гидрографических исследований, 10 дней спустя вошёл в пролив, позднее названный прол. Литке. А т. к. исследования в проливе показали, что о. Карагинский имеет гораздо большее протяжение по широте, чем считали осведомители Ф. П. Литке, то он решил пройти далее по проливу на север (15, с. 852).

Следуя этим курсом, шлюп дошёл до бух. Ложных Вестей о. Карагинского. Однако обнаружив, что эта бухта к отстою морских судов не годится, моряки предприняли поиски о. Верхотурова, который, по полученным ими устным сведениям, располагался, якобы, в пяти верстах к северу от о. Карагинского (там же, с. 853). Не найдя о. Верхотурова на указанном месте, моряки 1 июля по-

вернули назад, чтобы обойти Карагинский остров с востока. И около полудня 4 июля они увидели о. Верхотурова почти в 50 верстах (на самом деле – в 40 км) к северу от о. Карагинского (15, с. 855).

Кстати, тут вполне уместно будет привести данные Г. Стеллера об этом острове: «На расстоянии двух миль от Олюторского залива, к востоку от него, находится в море остров, на котором водятся исключительно чёрного цвета лисицы и множество морских птиц» (19, с. 30). Это же описание приводится и в книге С. П. Крашенинникова, который в своём комментарии к нему добавляет: «Сей остров без сомнения есть Верхотуров, ибо других островов кроме него и Карагинского никто не знает» (10, с. 61).

Необходимость обращения к этому описанию вызывается тем, что на самом деле о. Верхотурова лежит примерно в 20 км к юго-юго-западу от оконечности нынешнего п-ова Ильпинского (п-ова Говена в понимании С. П. Крашенинникова) – т. е. западнее, а не восточнее современного зал. Корфа (Олюторского моря в его же трактовке). И эту ошибку с месторасположением острова явно совершил не сам Г. Стеллер, а переписчики его черновой рукописи, которые «расположили» остров к востоку, а не к западу от входа в Олюторский залив. Именно переписчики (или переводчики), ибо подобного рода искажения первичной информации при переписке и переводе черновых материалов великого натуралиста отмечаются довольно часто (4). Так что Ф. П. Литке, довольно верно нанеся о. Верхотурова на карту, всего лишь исправил эту ошибку, и не более того.

Но вернёмся к плаванью шлюпа «Сенявин». С рассветом 5 июля моряки приступили к описи о. Верхотурова. А затем: «До полудня (5 июля) держали мы курс между островом и лежащим от него к NO в 12 милях мысом материкового берега, которому следовало быть Ильпинским. Мыс этот низменен, но к O от него идёт высокий берег» (15, с. 856). И решили так, надо полагать, потому, что по своим размерам, форме и расположению этот полуостров более или менее соответствовал тому «Илпинскому» Носу, который изображён на «Карте земли Камчатки с около лежащими местами».

Так что историк А. А. Сопочко был прав, когда утверждал, что «Мыс Ильпинский назвал и нанёс на карту Ф. П. Литке» (18, с. 69). Другое дело, что он при этом совершенно не обратил (как, кстати, и Ф. П. Литке) внимания на то, что коль скоро южная оконечность этого мыса низменна, то он никак не мог быть изначальным Ильпинским полуостровом, поскольку С. П. Крашенинников, говоря об «Илпийском Носе», написал: «Сей нос у матёрой земли весьма узок, песчан и так низок, что вода чрез него переливается, а на изголовьи широк, каменист и высок посредственно» (10, с. 60). А этому описанию полностью соответствует нынешний п-ов Ильпырский, который, как уже говорилось, представляет собой небольшой скалистый островок, присоединённый к матерiku узкой песчано-гравийной косой (томболо) длиной около 10 км и высотой не более 2–2,5 м над у. м.

Однако, повторимся, Ф. П. Литке этим данным великого натуралиста должного внимания не придал. В том числе и потому, что, проследовав от оконечности полуострова, названного ими Ильпинским, немного к западу, моряки шлюпа «Сенявин» подлинного «Ильпинского Носа» так и не увидели. О чём можно судить по следующему свидетельству Ф. П. Литке: «К W от Ильпинского мыса на небольшое расстояние видно было продолжение берега; дальше влево на 5 или 6 румбов показывались только места вершины округлённых холмов. Эта часть – самая узкая и низкая по всей Камчатке, а потому справедливо считается северным пределом этого полуострова» (15, с. 856).

Впрочем, таковому восприятию обстановки поспособствовало ещё и то, что от пролива между о. Верхотурова и подлинным Говенским Носом разглядеть низкую косу (томболо), соединяющую гористую часть оголовка тогдашнего «Илпинского» (нынешнего Ильпырского) полуострова с материком, невозможно даже в подзорную трубу, ибо она скрывается за горизонтом. Тогда как каменная возвышенность на оконечности этого полуострова, на фоне перешейка, соединяющего Камчатку с материком, издали выглядела всего лишь вершиной одного из холмов этого самого перешейка. Причём эта иллюзия подкреплялась прибрежной дымкой, об игре которой сам Ф. П. Литке выразился так: «...воздух был насыщен парами, которые, особенно около полудня, странным образом искажали предметы и не весьма отдалённые. Шлюп в 2 и 3 милях то сжимался, то растягивался. А иногда почти совсем исчезал. Горы материка беспрестанно меняли вид, так что часто нельзя было узнать той же горы» (там же, с. 852).

То есть, говоря иначе, не сумев разобраться с названиями полуостровов на «Карте земли Камчатки с около лежащими местами» Г. Миллера и не увидев искомый «Илпинской Нос» (нынешний Ильпырский п-ов), Ф. П. Литке принял за него подлинный п-ов Говена. А поскольку он при этом ещё и не придал значения тому, что на «Карте земли с около лежащими местами» северо-восточнее «Илпинского Носа» располагаются рр. Олютора и Илир, впадающие в один и тот же залив (море), ограниченный с востока Олюторским, а не «Говенским Носом», то следующий по курсу полуостров (истинный м. Олюторский) он посчитал за п-ов Говена.

Не придал Ф. П. Литке должного значения и тому свидетельству С. П. Крашенинникова, в котором об Олюторском Носе говорится так: «От реки Илира начинается Атвалык нос (Олюторской) которой вытянулся в море вёрст на 80, а изголовью лежит к Говенскому носу. Море между оными носами называется Олюторским» (10, с. 62). Как не обратил он внимания и на «Карту северной части Берингова моря Я. Я. Штелина, 1774 г.» и «Карту морских походов Первой Камчатской экспедиции, составленной В. Н. Берхом в 1829 г.», на которых нынешний зал. Корфа, как и на «Карте земли Камчатки с около лежащими местами», именуется «Олюторской губой», а современный п-ов Говена – «Олюторским Носом».

Впрочем, отчасти искажению Ф. П. Литке реальной ландшафтно-топонимической ситуации поспособствовала и объективная причина, которая заключается в том, что весь путь от п-ова Ильпинского (Говенского Носа – в понимании С. П. Крашенинникова) и до м. Св. Фаддея включительно шлюп «Сенявин» проследовал в условиях штормовой погоды и тумана.

И действительно, вот что пишет по этому поводу сам моряк: «Определив положение как острова (Верхотурова. – *Авт.*), так и видимых предметов материкового берега, мы легли к востоку, намереваясь по дороге обозреть ещё Олюторский мыс. Но погода, доселе нам благоприятствовавшая, тут совершенно испортилась. Поутру (5 числа) настало ненастье при свежем ОНО ветре, который к вечеру обратился почти в бурю... Поутру (6 числа) ветер стих, а вечером задул от SW, и мы пошли прямо на Олюторский мыс (Пахачинский – в трактовке С. П. Крашенинникова. – *Авт.*). В следующий вечер находились от него, по карте Адмиралтейского департамента, не далее 20 миль, но густая пасмурность не позволила ничего видеть, и потому взяли курс, параллельный направлению берега, чтобы при первой благоприятной перемене к нему подойти. Ветер опять перешёл к N, потом затих, и в последующие три дня продолжались маловетрия с разных сторон и штиль, не производя никакой перемены в погоде. Во всё это время мы мало продвинулись вперёд. 11 числа с утра установился ветер между S и SW, и мы взяли курс на мыс Св. Фаддея. Густой туман к вечеру несколько прошёл, и мы увидели берег этого мыса на NW в 23 милях. Ночь правили на N, параллельно ему, надеясь, что поутру прояснеет и нам удастся определить хотя бы этот пункт, но скоро туман сделался ещё гуще прежнего и вынудил нас продолжать путь к Чукотскому носу» (15, с. 856–857).

То есть, как можно видеть, Ф. П. Литке под п-овом Говена действительно понимал Олюторский Нос в трактовке С. П. Крашенинникова, ибо только следуя от этого полуострова далее к востоку можно было рассчитывать достичь следующего – Олюторского («Пахачинского Носа» в понимании С. П. Крашенинникова) полуострова. Другое дело, что на самом деле моряки сумели увидеть этот последний полуостров и определить его координаты лишь 15 сентября, на обратном пути от Чукотки к Камчатке.

К сказанному остаётся добавить, что на пути к Беринговому проливу и обратно шлюп «Сенявин» к берегам данной части Берингова моря не приставал. Так что у Ф. П. Литке не было возможности узнать от местных жителей подлинные названия всех этих объектов и усомниться в своих представлениях. А ведь отметим, что даже во второй половине XX в. на территории нынешнего п-ова Говена располагалось несколько географических объектов (р. Олютовайм, г. Каргыюлотольхын, бывшее национальное с. Олюторка, бывший рыбацкий пос. Ново-Олюторский), имена которых, содержавшие в себе корень «олют», к нынешнему Олюторскому (на самом деле – Пахачинскому) полуострову никакого отношения не имеют.

Что же касается «угла земли, за которым земли не видать», то обойдя его в тумане с запада, юга и востока, моряки этот самый «угол» так и не увидели, а потому и не установили его координат. Как не смогли они в условиях плохой видимости уточнить и координаты более северного выступа берега, который они, тем не менее, посчитали, и вполне оправданно, за м. Св. Фаддея.

Кстати, поскольку от п-ова Ильпинского (в их понимании) моряки плыли вслепую к «углу земли, за которым земли не видать», и через несколько дней плавания в условиях нулевой видимости резко повернули к северу, то можно говорить об исключительной для того времени точности координат, определённых П. Чаплиным и А. Чириковым. А, следовательно, и о том, что у Ф. П. Литке не было ни малейших оснований сомневаться в достоверности данных штурманов бота «Св. Гавриил» о местоположении мысов Св. Фаддея и Наварин. Да он, собственно, и не сомневался.

И в самом деле, определив на обратном пути координаты названных мысов и сравнив их с соответствующими координатами штурманов бота «Св. Гавриил», Ф. П. Литке однозначно заявил: «Название это дано мысу Берингом на обратном пути с севера. Августа 21 (по морскому шёту 22), когда бот «Гавриил» находился в широте 62°42' пеленгован был угол Св. Фаддея на WtS по компасу (по правому компасу WtN) в 25 милях; откуда широта его не менее 62°45'» (18, с. 152).

Кстати, эта ссылка на А. А. Сопозко, а не на самого Ф. П. Литке, приводится нами потому, что несколько раньше историк написал: «На итоговой карте 1729 года Беринг и Чаплин ошибочно нанесли вместо мыса Наварин „угол С. Фаддея“, который в действительности расположен несколько севернее» (18, с. 87). Хотя, заметим, на приведённом им рисунке надпись «угол С. Фаддея» отсутствует.

Более того, в примечании к этому высказыванию он говорит, что на Итоговой карте экспедиции моряки бота допустили ошибку, которая исправляется с помощью вахтенного журнала (там же, с. 228). И, наконец, в первом предложении следующего абзаца он ещё раз повторяет, что: «Ошибку, допущенную командным составом бота „Св. Гавриил“, исправил капитан Ф. П. Литке. 8 сентября 1828 г. шлюп „Сенявин“ подошёл к мысу, который на карте Беринга обозначен „С. Фаддея“» (там же, с. 87).

Впрочем, надо сказать, что А. А. Сопозко был далеко не единственным из тех, кто упрекал штурманов бота «Св. Гавриил» в ошибке с названиями указанных мысов. Так, например, ещё в 1779 г. английский мореплаватель Дж. Кинг, проплывая этими же местами, посчитал, что ошибку с именами допустил В. Беринг, якобы назвавший современный м. Наварин м. Св. Фаддея. Повторил это мнение в начале XX в. и известный своим предельно предвзятым отношением к достижениям русских исследователей Северо-Тихоокеанского региона американский историк Ф. А. Голдер, который также считал, что штурманы бота «Св. Гавриил» под м. Св. Фаддея понимали нынешний м. Наварин (22).

Что же касается А. А. Сопозко, то, завершая абзац на 87-й странице, он написал: «На основе анализа вахтенного журнала бота „Св. Гавриил“ и практических наблюдений, Ф. П. Литке определил, что 27 июля (по морскому календарю) вечером Беринг открыл один мыс на 62°16' с. ш., а утром – второй мыс – „Св. Фаддея“ на 62°42' с. ш. (Литке, 1835, с. 221). Первый мыс Литке назвал „Наварин“, второй мыс обозначил на карте под названием „Св. Фаддея“» (там же, с. 87–88). Автор не заметил при этом, что это его представление противоречит высказанному им же выше мнению об ошибке моряков «Св. Гавриила» с присвоением имени будущему м. Наварин имени Св. Фаддея. А через 64 страницы, говоря об обратном пути бота «Св. Гавриил», А. А. Сопозко ещё раз повторил: «Продолжая плавание в юго-западном направлении, мореплаватели в 8.00 вечера 22 августа видели по пеленгу SWtW^{1/2}W (262°) впереди крутой угол земли (л. 53). Это был мыс, ныне известный под названием Наварин, который экипаж бота открыл 27 июля при следовании на север.

Одновременно с м. Наварин по пеленгу NW (335°) с борта судна была видна „Крайняя оконечность к N“ (л. 53). Беринг не дал название открытой экспедицией „оконечности“, впоследствии этот мыс получил название м. Кинга» (там же, с. 152).

То есть, говоря иначе, А. А. Сопозко по сути дела признал, что штурманы бота «Св. Гавриил» ошибки с координатами и с названием м. Св. Фаддея не совершали. И для того, чтобы поставить окончательную точку во всей этой ситуации, нам остаётся лишь привести подлинные данные А. Чирикова и П. Чаплина об этом «угле», определённые ими на обратном пути от Берингова пролива к Камчатке:

«22 августа. Угол „Св. апостола Фаддея“ пополудни в 4 часа. WtZ.

22 августа. Впереди „крутой угол земли“ пополудни в 8 часов. ZWtW^{1/2}W», – пишет П. Чаплин (8, с. 126).

«22 августа, пополудни в 4 часа. Угол земли происходящей близ реки Анадера, который именовали Св. Апостола Фаддея. WtZ.

22 августа, пополудни в 8 часов. Впереме крутой угол земли. ZWtW^{1/2}W», – почти дословно повторяет его А. Чириков (9, с. 283).

Из этого однозначно следует, что офицеры бота «Св. Гавриил» не ошибались ни с местоположением, ни с наименованием м. Св. Фаддея. А потому в упрёк В. Берингу, А. Чирикову и П. Чаплину можно поставить только то, что они не присвоили предельно чётко выраженному южному «крутому углу» имени, ибо в этом случае никаких ложных суждений по поводу мнимых ошибок моряков «Св. Гавриила» и «Сенявина» не возникало бы.

Впрочем, что было (отсутствие имени у будущего м. Наварин), то было. А потому возникает вполне закономерный вопрос: а каким образом, если ни моряки «Св. Гавриила», и ни моряки «Сенявина» не ошибались с расположением и с названием «угла земли, за которым земли не видать», этот самый «угол» «превратился» в м. Св. Фаддея? Впрочем, ответ на этот вопрос довольно очевиден.

Дело в том, что на оригинальных вариантах карт, составленных штурманами бота «Св. Гавриил», изображение мыса «Св. Фаддея», ввиду его весьма незначительного выдвигания в сторону

моря, не выходит за рамки стандартной ошибки чертежей того времени. А потому практически не поддаётся определению

Что же касается подписей «Св. Фаддея» или «Угол Св. Фаддея», то они либо приурочиваются (по месту) к нынешнему м. Наварин, либо вообще отсутствуют. Например, на малоизвестной оригинальной (подписанной П. Чаплиным) карте «Описи Северных берегов Сибири и кочевых остояков, тунгусов, якутов, юкагиров, каряков, камчадалов разных языков и чукчей от Иртыша до части Шелагинской Чукотской земли...» подпись с названием «Св. Фаддей» привязана к южной оконечности «крутого угла». Тогда как на «Итоговой карте 1-й экспедиции Беринга, составленной Берингом-Чаплиным. Копия Чаплина, им подписанная. 1729», и на «Итоговой карте русских открытий на Тихом океане до 1746 г. Оригинал подписан А. И. Чириковым» надпись «мыс Св. Фаддея» как таковая отсутствует. Что и не позволяет идентифицировать м. Св. Фаддея однозначно.

Не вносит должной ясности и «Карта от Тобольска до Чукотского полуострова, составленная во время экспедиции 1729–1730 гг. (этнографическая)», на которой имеются сразу две – «С. Фаддея» и «Угол апостола Фаддея» – надписи, ибо они настолько отличаются по своему исполнению (прописными буквами) от остальных надписей этого же чертежа, что это позволяет говорить об их появлении на названной карте уже после составления подлинника. Кстати, после составления оригинала на нём были нанесены и рисунки коренных обитателей Восточной Сибири, и, не исключено, что не самими авторами, а совершенно другим исполнителем (исполнителями), поскольку при этом одно и то же название привязывается к двум совершенно различным объектам.

То же самое можно сказать и относительно копий с этих оригинальных карт. К примеру, и на «Итоговой карте Первой Камчатской экспедиции (копия Ханькова)» и на «Итоговой карте первого этапа Сибирско-Тихоокеанской экспедиции (копия Пурпура)» названия «Св. Фаддей» и «Угол С. Фаддея» нанесены по месту столь неопределённо, что все последующие исследователи привязывали это имя не к практически неприметному м. Св. Фаддея, а к тому предельно чётко выраженному полуострову, под которым С. П. Крашенинников, опираясь на данные «бывалых людей», понимал «Катырский Нос». То есть к полуострову, который располагается между оз. Пекульнгей на западе и бух. Угольной – на востоке.

Что же касается более поздних карт региона, то, например, на «Карте северной части Берингова моря Я. Я. Штелина, 1774» и на карте «Восточная часть Якутского уезда. Соч[инил] И[ван] Трусокот» надпись «м. Св. Фаддея» отсутствует, а на «Карте Чукотского полуострова, 60-х гг. 18 в.» и на «Карте северо-восточной части Азии Н. Дауркина» вместо этого названия фигурирует надпись «Хатырский нос». И лишь на «Карте морских походов Первой Камчатской экспедиции, составленной В. Н. Берхом в 1829 г.» надпись «Угол Св. Фаддея» привязывается к практически неприметному мысу под этим названием.

И всё же самый «весомый», на наш взгляд, вклад в эти ошибочные представления внёс М. Шпанберг, который на своей «Карте Шпанберга с показанием пути Фёдорова и Гвоздева к Америке, 1743 г.» абсолютно однозначно привязал название «С. апостола Фаддея» к «углу земли, за которым земли не видать». Ибо к его мнению, как иностранца на русской службе, даже российские исследователи относились с большим пиететом, чем к данным А. Чирикова и П. Чаплина.

Однако напомним, что М. Шпанберг, исполняя обязанности первого помощника капитана бота «Св. Гавриил», вахт как таковых не нёс и определением координат не занимался. Так что уже только поэтому его мнение должно вызывать сомнение. И сомнение тем более обоснованное, что М. Шпанберг был неважным моряком, о чём позволяет судить его заявление об отсутствии точных координат обследованных ботом «Св. Гавриил» мест: «Понеже мы пришли в вышеописанную ширину... и не осведомились, сколько мы до сих мест обсервовали, ино ретерать не ведаем...» (16, с. 85).

Как расшифровывает этот выпад в сторону А. Чирикова и П. Чаплина Т. С. Фёдорова, М. Шпанберг считал, что моряки «...не знают, где находятся и как возвращаться обратно, хотя и А. Чириков и П. Чаплин каждые сутки в специальной таблице подводили итог пройденного за день пути и отмечали числимое местонахождение судна и найденное по обсервации. Такое высказывание для опытного моряка весьма странно, но, видимо, тесного общения между Шпанбергом и русскими офицерами не было, а сам он составлять такие таблицы не привык» (20, с. 321). Так что М. Шпанберг, привязав на своей карте надпись «С. апостола Фаддея» к изображению будущего м. Наварин, существенно искажил, пусть бы и ненароком, данные А. Чирикова и П. Чаплина.

О недостаточном профессионализме М. Шпанберга свидетельствует и небрежное, скажем так, исполнение им своих штурманских обязанностей при исследовании Курильских островов и Японии. Во всяком случае, анализ его материалов о плавании к берегам Японии, произведённый

офицерами пакетботов «Св. Пётр» и «Св. Павел» зимой 1740/41 г. в Петропавловской гавани, обнаружил целый ряд неточностей и ошибок в журналах и картах М. Шпанберга (21, с. 413). Так что доверять его представлению о месторасположении мыса Св. Фаддея явно не приходится.

И наоборот, говоря о точности данных А. Чирикова и П. Чаплина, ко всему ранее сказанному по этому поводу стоит добавить, что шлюп «Сенявин», возвращаясь от берегов Чукотки к Камчатке, к м. С. Фаддея также подошёл, ориентируясь по координатам штурманов бота «Св. Гавриил», ибо на пути к Чукотке Ф. П. Литке, как уже говорилось, из-за тумана не удалось определить его координаты. Судить об этом позволяет следующее утверждение мореплавателя: «На рассвете (12 сентября) открылись нам крутые и мрачные, снегом покрытые утёсы. К NW виден был в милях 20 высокий мыс, который, соображаясь с журналом Беринга, признан был мысом Св. Фаддея. К SW лежал высокий же мыс, приметный больше потому, что за ним берег круто загибался к NW. Мы назвали его мыс Наварин, в честь достопамятной победы, а высокую гору на этом мысе – горой Гейде, по имени достойного нашего адмирала, командовавшего в этом сражении российским флотом» (15, с. 892). А также ещё одно его суждение: «В 10 милях к N от мыса Наварин вдаётся к W глубокая губа, названная по имени судна командора Беринга губой архангела Гавриила, а мыс по N сторону её устья именем Кинга» (там же, с. 893).

Тем не менее, практически все последующие исследователи относили имя «Св. Фаддей» к мысу, который ныне именуется м. Наварин, о чём, в частности, позволяет судить мнение авторов «Топонимического словаря» (13), которые считали, что до экспедиции Ф. П. Литке в 1828 г. м. Наварин Хагырским Носом именовали ошибочно, совершенно не придав значения тому, что первичное название может быть устаревшим, но не может быть ошибочным по определению. Не обратили они внимания и на то, что Ф. П. Литке присвоил имя Наварин окончности этого самого Хагырского Носа, а не всему Носу.

Таким образом, ошибки с названиями полуостровов и мысов берингоморского побережья действительно имеются. Нужно ли их исправлять? На наш взгляд – да. Другое дело, что заодно следовало бы исправить и множество других географических ошибок региона. Однако за давностью лет, а также в виду отсутствия денег (да и желания со стороны официальных структур) возвращение всем названным и прочим природным объектам Камчатки их первоначальных имён вряд ли осуществимо. Но и оставлять без внимания проблему искажения топонимической ситуации региона также не годится. А потому, надеемся, что изложенные нами соображения по поводу ошибок Ф. П. Литке привлекут внимание заинтересованных читателей.

Итак, сравнительный анализ данных исследователей разных лет о расположении полуостровов и мысов части берингоморского побережья от зал. Уала и до современного Олюторского полуострова вскрывает несоответствие современной географической номенклатуры с первоначальной топонимической ситуацией региона, изложенной С. П. Крашенинниковым в его знаменитом «Описании земли Камчатки».

Свою лепту в эту ситуацию внёс и Ф. П. Литке, который, доверившись данным Г. Миллера, присвоил подлинному «Говенскому Носу» название «Ильинский полуостров», вслед за чем переместил названия всех последующих полуостровов и заливов между ними на одно к востоку.

Иначе сложилась ситуация с мысами Наварин и Св. Фаддея, ибо, определив на обратном пути к Камчатке координаты этих мысов и сравнив их с данными штурманов бота «Св. Гавриил», Ф. П. Литке пришёл к совершенно однозначному выводу о том, что нынешнему м. Св. Фаддея его подлинное имя дал В. Беринг. А т. к. более южный «крутой угол» моряки бота «Св. Гавриил» оставили без имени, то он и присвоил в 1835 г. этому мысу имя Наварин.

Что же касается обвинений штурманов бота «Св. Гавриил» в якобы неточном определении координат м. Св. Фаддея, а Ф. П. Литке – в «переносе» названия м. Св. Фаддея с окончности Каттырского Носа на его нынешнее место, то это объясняется неизвестностью данных подлинных вахтенных журналов бота «Св. Гавриил» для исследователей. А также переадресовкой надписей «угол Св. Фаддея» на оригинальных картах А. Чирикова и П. Чаплина и их копиях к м. Наварин.

1. Атлас географических открытий в Сибири и в Северо-Западной Америке. XVII–XVIII вв. М. : Наука, 1964. 135 с.

2. Атлас СССР. М. : Главное управление геодезии и картографии при Совете Министров СССР, 1983. С. 260 с.

3. Быкасов В. Е. Путешествие имён по карте. Дальневосточный регион России. XVII–XIX вв. // Сборник научных статей. Владивосток : Дальнаука, 2015. С. 253–291.

4. Быкасов В. Е. Курьёзы науки: корова Стеллера и другие примеры // Природа. 2015. № 4. С. 70–74.

5. Быкасов В. Е., Быкасов С. В. Топонимия северной части побережья Карагинского залива (Камчатка) // Известия РАН. Сер. географическая. 2017. № 3. С. 103–117.

6. Ефимов А. В. Из истории великих русских географических открытий в Северном Ледовитом и Тихом океанах (XVII – первая половина XVIII вв.). М. : Географгиз, 1950. 318 с.

7. Он же. Из истории великих русских географических открытий. М. : Наука, 1971. 300 с.

8. Журнал бытности в Камчатской области мичмана Петра Чаплина // Журналы Первой Камчатской экспедиции о путешествии от Санкт-Петербурга до Камчатки и открытии Берингова пролива. СПб. : Тип. «Любавич», 2012. С. 22–189.

9. Журнал лейтенанта Алексея Чирикова // Там же. С. 190–312.

10. Крашенинников С. П. Описание земли Камчатки. Т. I. СПб. : Наука ; Петропавловск-Камчатский : «Камшат», 1994. 438 с.

11. Кусков В. П. Ошибка Литке. Камчатские были. Петропавловск-Камчатский : Дальневост. кн. изд-во, 1970. С. 40–48.

12. Кушнарёв Е. Г. В поисках пролива. Первая Камчатская экспедиция 1725–1730. Л. : Гидрометеорологическое издательство, 1976. 168 с.

13. Леонтьев В. В., Новикова К. А. Топонимический словарь Северо-Востока СССР / научн. ред. Г. А. Меновщиков. Магадан : Кн. изд-во, 1989. 456 с.

14. Литке Ф. П. Четырёхкратное путешествие в Северный Ледовитый океан. М. : ОГИЗ, 1948. 334 с.

15. Он же. Плавание вокруг света и по Северному Ледовитому океану М. : Дрофа, 2008, 1036 с.

16. Мнение М. П. Шпанберга, поданное В. Й. Берингу, о целесообразности возвращения бота «Св. Гавриил» на Камчатку для зимовки // Русские экспедиции по изучению северной части Тихого океана в первой половине XVIII века. М. : Наука, 1984. С. 85.

17. Открытия русских землепроходцев и полярных мореходов XVII века на Северо-Востоке Азии. Сборник документов / сост. И. С. Орлова; ред. А. В. Ефимов М. : Географгиз, 1951. 620 с.

18. Сопюк А. А. История плавания В. Беринга на боте «Св. Гавриил» в Северный Ледовитый океан. М. : Наука, 1983. 248 с.

19. Стеллер Г. В. Описание земли Камчатки. Петропавловск-Камчатский : Камчатский печатный двор. Кн. изд-во, 1999. 287 с.

20. Фёдорова Т. С. Мартын Петрович Шпанберг // Русские первопроходцы на Дальнем Востоке в XVII–XIX вв. Историко-археологические исследования. Т. 5. Ч. 1. Владивосток, 2007. С. 318–333.

21. Экспедиция Беринга. Сборник документов / подгот. к печати А. Покровский. М. : Главное архивное управление НКВД СССР, 1941. 418 с.

22. Golder F. A. Bering's voyages. An account of the efforts of the Russians to determine the relation of Asia and America. The log books and officials reports of the First and Second Expeditions 1725–1730 and 1733–1742, with a chart of the Second Voyage by ellsworth P. Bertholf. N. Y. Amer. Geogr. Sos. Res. Ser., 1922. Vol. 1. 371 p.

Т. Л. Введенская СОВРЕМЕННОЕ СОСТОЯНИЕ ОЗЕРА КУЛТУЧНОГО

Озеро Култучное расположено в центре г. Петропавловска-Камчатского. Раньше оно имело рыбохозяйственное и рекреационное значение. По мере расширения городской застройки, прокладки дорог вокруг него акватория озера сокращалась, и озёрные воды подвергались различным загрязнениям. Эти преобразования способствовали изменению гидрологического режима, рыбохозяйственного значения и трофического статуса водоема.

В настоящее время канализационные стоки в озеро не поступают, и основным источником загрязнения является поверхностный сток с дорог и прилегающих территорий, несанкционированные сбросы через трубы, выведенные в акваторию озера. Значительное количество мусора поступает в озеро во время традиционных массовых гуляний горожан.

Цель настоящей работы – дать экологическую характеристику оз. Култучного.

Мониторинговые работы в оз. Култучном проведены в период 2008–2011 гг., выполнены эпизодически и фрагментарно.